

С. Н. Темушев
Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь.
stepnik_bsu@tut.by

ОТРАЖЕНИЕ В РУССКИХ БЫЛИНАХ ПРОБЛЕМЫ НАЛОГОВО-ДАНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

В статье рассматривается проблема отражения в русских былинах обстоятельств формирования и функционирования налогово-данических отношений в Древней Руси. С учетом особенностей данного вида народного творчества анализируются присутствующие в былинах примеры данических обязательств древнерусского населения. Ценность былин заключается в том, что их составители проявляли интерес к сфере межличностных отношений (не только междукняжеских), истории повседневности, обыденным явлениям и сюжетам, которые мало интересовали летописцев.

Ключевые слова: былина, дань, дань-контрибуция, налоги, княжеская власть, землевладение

В исторической науке на протяжении более полутора столетий то разгораются, то затухают дискуссии по вопросу об историзме былин. Сложился целый спектр мнений от признания прямой связи содержания былин с исторической действительностью (Л. Н. Майков, В. Ф. Миллер, А. П. Скафтымов, Б. А. Рыбаков, М. М. Плисецкий, В. П. Аникин, С. Н. Азбелев) до утверждения о формировании в былинах особого эпического мира, неадекватного историческим реалиям и, следовательно, не имеющего с ними непосредственной связи (Б. Н. Путилов, В. Я. Пропп, С. Ю. Неклюдов, Н. Г. Черняева). Необходимо согласиться с тем, что по отношению к реальной действительности эпический мир является способом ее художественного отображения, одной из форм исторической памяти народа о далеком прошлом [Селиванов, с. 153], но в то же время, безусловно, был прав и Д. С. Лихачев, настаивавший на том, что «строительные материалы для построения внутреннего мира художественного произведения берутся из действительности» [Лихачев, с. 78].

Былина – это «многослойное, вместившее в себя память различных времен древнерусской истории творение народа» [Фроянов, Юдин, 1997, с. 451]; но при этом исторические реалии, которые могли послужить первоначальной основой для формирования произведений народного творчества, приобретали «характерные качества, свойственные традиционным элементам эпического мира», утрачивали «прежние, бытовые, пространственные и временные связи» [Путилов, с. 172]. Учитывая особенности формирования и динамики развития эпоса (могли не совпадать стадии исторической действительности, творчества/создания эпоса и художественного отображения) [Селиванов, с. 159], нет оснований ожидать от былин точной фиксации явлений, процессов, событий прошлого (то есть исторических фактов). В связи с этим необходимо признать, что былины не могут выступать в качестве полноценного исторического источника.

Тем не менее представляется, что не следует отказываться от исторической интерпретации ряда мотивов, явлений, а возможно, и сюжета былин в целом; более того, в некоторых случаях народный эпос раскрывает те стороны общественных отношений и явлений, которые не фиксировались надежными, как принято считать, письменными и вещественными источниками.

Ряд исследователей обнаруживали в былинах отражение, прежде всего, явлений родоплеменного общества: смену хозяйственных систем, сопровождавшуюся идеологическими столкновениями, межплеменными войнами, обрядом инициации, борьбой за женщину

[Фроянов, Юдин, 1983, с. 94]. Действительно, подобные мотивы и сюжеты широко представлены в былинах. Однако не менее явно в былинах присутствуют мотивы, связанные с важнейшими функциями государственной власти, организующей, например, защиту от внешней опасности (отсюда героический характер содержания эпоса) [Пропп, с. 5] или устранение «разбоев» (мотив очистки «дороги прямоезжей» присутствует не только в хрестоматийной былине «Илья Муромец и Соловей Разбойник», но и в менее известном произведении «Добрыня чудь покорил»¹). К числу ключевых функций княжеской администрации относился сбор налогов-дани; собранные материальные блага делали возможным само существование государственной организации и позволяли князьям выполнять свои обязанности, а также поддерживать соответствующий высокий статус (весьма характерен способ демонстрации последнего посредством пиров, часто упоминаемых в зачине былин) [Фроянов].

Одна из ключевых особенностей былин заключается в том, что уже на начальном этапе своего существования они представляли собой не только то, что явным образом повествуется, но и в значительно большей степени то, что современникам ясно без слов, само собой разумеется, то есть то, что неявным образом подразумевается [Горюнков, с. 37]. Именно сфера фискальных отношений является такой неявной, подразумеваемой информацией. Так, в былинах неоднократно встречаются упоминания «золотой казны» князя Владимира²; дань царю Батуру в «земле Полонецкой» состоит из сорока телег «чиста серебра», сорока телег «красна золота», сорока телег «скатна жемчуга» и т. д.³, сам князь стольно-киевский неоднократно устраивает «почестные пиры» по три дня и более⁴. Нет сомнений в том, что главным источником этих материальных богатств являлись дани/подати с подвластного населения. Но составитель былин или сказитель не дает ответа, откуда взялись средства для наполнения казны и обеспечения княжеского стола.

Тем не менее можно обнаружить две былины, сюжет и отдельные мотивы которых напрямую связаны с функционированием налогово-даннической системы Древней Руси, несомненно (несмотря на очевидные более поздние наслоения), домонгольского периода. Это былины «Вольга и Микула» (явно более поздний вариант⁵ той же былины, но с другим главным персонажем – «Микула Селянинович и Иван Годинович») и «Михайло Потык».

В народной памяти глубоко запечатлелись события монгольского нашествия на Русь 1237–1241 гг. и последующей даннической зависимости русских земель от Орды, что нашло отражение в широко представленном былинном мотиве выполнения богатырями поручения князя Владимира по транспортировке дани в Орду («во земли в Сорочинские») (былина «Добрыня и Василий Казимиров», варианты: «Василий Казимерской», «Василий Касимирович») ⁶.

Исследователями давно отмечено отсутствие корреляции между именами действующих лиц и географическими названиями, с одной стороны, и «фабулами, к ним прикрепленными» – с другой [Миллер, с. 55–56]. Во всех случаях «хронологические и топографические даты», как и имена исторических лиц, не позволяют делать выводы о времени и месте сложения былин. В целом мнение о том, что предметный мир былин свидетельствует об их создании в X–XII вв., точно

¹ Добрыня Никитич и Алеша Попович / Изд. подгот. Ю. И. Смирнов и В. Г. Смолицкий. М., 1974. С. 289–293.

² См., например, былинку «О женитьбе князя Владимира» (Древние Российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. 2-е доп. изд. М., 1977. С. 56).

³ Добрыня Никитич и Алеша Попович. С. 78.

⁴ См., например, в былинах «Михайло Потык» (Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом. СПб., 1873. Стб. 47), «Сухман» (Там же. С. 334), «Дунай» (Там же. С. 502), «Хотен Блудович» (Там же. С. 518), «Илья Муромец и Калин царь» (Там же. С. 656) и др.

⁵ Среди прочего в былине упоминается «некрутская повинность» (Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом. Стб. 1169).

⁶ Добрыня Никитич и Алеша Попович. С. 57–114.

«не позже татарского владычества» [Майков, с. 25–26; Рыбаков], требует проверки в каждом конкретном случае. Так, целый ряд разнообразных признаков (имена персонажей – Батуй/Ботиян, Василий Казимирович, топография – Большая Орда, земля литовская, терминология – ярлыки, стрельцы, и, главное, отдельные мотивы – выплата дани Орде) не оставляет сомнений в том, что былина «Добрыня и Василий Казимиров» была создана во времена ордынского господства⁷. Следует говорить и о более позднем времени, когда литовские князья стали переходить на службу к московскому великому князю. Но и в этом позднейшем произведении обнаруживаются явные архаичные элементы (например, участие дружины – «дружинушки» – в фискальных отношениях)⁸, уходящие корнями в домонгольскую эпоху.

Из содержания былины «Добрыня и Василий Казимиров» можно почерпнуть интересные наблюдения о способах транспортировки дани («Цель корабли золота тащит»)⁹ и о ее понимании как контрибуции – выплаты, гарантирующей безопасность от набегов («Принимай от меня да дани-пошлины / Да без бою, без кроволития»)¹⁰. Соответствует ли эта информация историческим реалиям, или же является примером трафаретных формул и «общих мест», однозначно решить не представляется возможным. Но нет сомнений в том, что приведенные примеры не противоречат реалиям древнерусского времени, хотя и обнаруживают (в первом случае) явную гиперболизацию.

Былина «Вольга и Микула», несомненно, содержит архаичные пласты, восходящие к начальному этапу становления налогово-даннической системы Древней Руси. Давно высказано предположение, что эта былина связана с деятельностью первых древнерусских правителей Олега и Ольги [Халанский, с. 1–13; Коробка]. По мнению И. Я. Фроянова, в данном произведении нашла отражение идеология киевской, точнее, полянской общины, которая «во главе со своими князьями покоряла соседние восточнославянские земли, облагая завоеванные племена данью» [Фроянов, Юдин, 1983, с. 100]. Однако необходимо учитывать сложный характер народного эпоса, в котором произошло наслоение разновременных явлений, так же как в образе главного персонажа – Вольги Святославича (Всеславича) слились образы киевских правителей Олега и Ольги, а также полоцкого князя Всеслава Брючиславича и черниговского князя Олега Святославича [Халанский, с. 12]. Так, в былине о Вольге и Микуле можно обнаружить указание на начальный этап «окняжения» новых территорий¹¹ (происходило это не в форме подчинения одной этноплеменной группой другой, а в форме распространения фискальных обязательств на новые территории в результате целенаправленной деятельности государственной власти), раздачу городов с окрестной территорией («со крестьянами»)¹²

⁷ Выплата дани Литве (а не наоборот) не оставляет сомнений в том, что речь идет о периоде позднего Средневековья:

«Все вы на перу нынъ пьяны-веселы,

Ну уж вы думайте-тко думу, не продумайте,

Нам кого послать во землю во литовскую,

Отвести туда да дани-выходы,

За все стары годы да за нынешни...» (Добрыня Никитич и Алеша Попович. С. 99).

⁸ Добрыня Никитич и Алеша Попович. С. 97, 99.

⁹ Там же. С. 98.

¹⁰ Там же. С. 95.

¹¹ «С той поры стали они дань платить / Ко князю Владимиру во Киев град» (Микула Селянинович и Иван Гоудинович // Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом. Стб. 1172).

¹² «Тут проговорил Вольга Святославович:

«Как пожаловал меня да родной дядюшка,

Родной дядюшка да крестной батюшка,

Ласковой Владимир стольне-киевской,

Тремя ли городами со крестьянами:

Первым городом Курцовцом,

Другим городом Ореховцем,

Третьим городом Крестьяновцем,

Теперь еду к городам да за получкою»» (Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом. Стб. 796).

в кормление, наконец, появление крупного землевладения и рентных отношений («Получай-ко ты дань да ведь грошовую!»)¹³. Возможно, в данном случае имеет место фиксация конкретных исторических событий, например «отложение» подчиненных Киеву «племен» после смерти киевских князей Олега, Игоря, Святослава. Основная цель поездки Вольги (то ли племянника, то ли сына князя Владимира) заключалась в возобновлении связи непокорных городов со стольным городом, оборванной «злыми мужиками»¹⁴.

Отдельные мотивы былины о Вольге и Микуле позволяют сделать важные выводы о роли завоевания в формировании даннических отношений (что хорошо известно и из летописных сообщений, например, о мероприятиях князя Олега сразу после захвата Киева)¹⁵, об использовании наряду с дружиной народного ополчения в ходе подчинения новых территорий. Однако последнее вовсе не означает, что ополчение («вои») было могущественнее князя и его дружины [Фроянов, Юдин, 1983, с. 103].

Содержание былинного эпоса не оставляет сомнений в исключительных княжеских (причем князя стольно-киевского) полномочиях по наложению даннических обязательств и последующему распоряжению собранными материальными благами. Князь Владимир снаряжает своего племянника Вольгу (другой вариант: Ивана Годиновича) в поход, выдает ему воинское снаряжение, вооружение, одежду (в варианте М. Крюковой) [Селиванов, с. 71], принимает собранные ресурсы и щедро награждает за «службу верную» (тремя городами или «уделами»)¹⁶. Только князь может переадресовать даннические обязательства подвластного населения выбранному им лицу за какую-либо оказанную услугу:

«Тут проговорил Вольга Святославович:

– Ай же ты Никула Селянинович!

– Я жалую от себя трема городами со крестьянами.

– Оставайся здесь да ведь наместником,

– Получай-ко ты дань да ведь грошовую!»¹⁷.

Это солидное вознаграждение – три волости с городами – дает основание предположить большое значение, придаваемое осуществленному мероприятию. Между тем письменные источники совершенно не позволяют судить о восприятии в древнерусском обществе деятельности сборщиков налогов/дани – данников. Еще один важный аспект, который обнаруживается благодаря анализу содержания былин, но слабо представлен в летописных и литературных памятниках домонгольской Руси, относится к характеру взаимоотношений носителей власти (то есть тех, кто накладывает даннические обязательства) с рядовым свободным земледельческим населением. Вполне определенно можно говорить об отношении равных, при этом для князей было чуждо чувство превосходства и пренебрежения к земледельцам («мужикам», плательщикам дани) [Фроянов, Юдин, 1983, с. 102].

В былинах четко просматривается характерная для фольклора в целом универсальная семантическая оппозиция «свой – чужой». Но весьма показательно, что в былинах «Вольга и Микула» богатыри сражаются с «мужиками», оказавшими вооруженное сопротивление представителям стольно-киевского князя, не как с вражеским войском (которое в былинах обычно полностью уничтожается) [Селиванов, с. 60]. Плательщики дани не воспринимаются как «чужие», иноплеменники, к ним направляются богатыри (в случае с былиной «Вольга и Микула» – во главе с племянником князя) с карательной целью. Иная картина предстает в былине «Михайло Потык»: русские богатыри Илья Муромец, Добрыня Никитич и Михайло

¹³ Там же. Стб. 799.

¹⁴ Там же. Стб. 1169.

¹⁵ ПСРА. М., 2001. Т. 1. Стб. 23–24.

¹⁶ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом. Стб. 1169.

¹⁷ Там же. Стб. 799.

Иванович Потык направляются киевским князем Владимиром «повыправить» дани-выходы в чужих землях – Каменной Орде, Золотой Орде и Подольской земле¹⁸. Наименование территорий, с которых собирается дань (в данном случае – внешнего характера), не имеет принципиального значения; их не нужно воспринимать как реальные объекты даннических отношений. Само появление данных политико-географических понятий, безусловно, было искажено последующими наслоениями, как и значительная часть сюжетной линии (после успешного сбора дани с указанных территорий Михайло Потык получает от князя поручение отвезти дань «заморскому царю Бухарю»). Тем не менее можно предположить, что данная былина сохранила мотив о даннических отношениях Руси с периферийными балтскими и финно-угорскими народами. Возможно, отголоском былой даннической зависимости от Руси литвы является присутствующий в былине «Добрыня и Алеша» мотив с поручением князя Владимира русским богатырям выправить дань с «поганой Литвы»¹⁹. Как бы то ни было, передача былин в устной форме многими поколениями сказителей серьезно отразилась на их содержании. В этом отношении весьма показательна трансформация содержания быliny «Михайло Потык»: в варианте, записанном Киршей Даниловым, киевский князь дает поручение богатырям не собрать дань, а «настрелять» «гусей, белых лебедей, перелетных малых уток» к «столу княженецкому». Сохранился и другой вариант той же быliny, в которой богатырю дается поручение расширить территорию «земельки святорусской».

Иван Аникиевич Касьянов	Кирша Данилов	Никифор Прохоров
<p>Говорил тут Владимир стольне-киевской: «... Ты Михайло Потык сын Иванович! Съезди ты во Турцию Получи там дани-выходы За двенадцать лет да с половиною»¹.</p>	<p>Что взговорит тут Владимир-князь: «Ай ты гой еси, Поток Михайла Иванович! Сослужи мне службу заочную: Съезди ты ко морю синему, На теплыя тихи заводи, Настреляй мне гусей, белых лебедей, Перелетных малых утачак К моему столу княженецкому, Дó любви я молодца пожалую»².</p>	<p>А й старьи казак он Илья Муромец, А говорит Ильюша таково слово: «Да ай же мои братыица крестовыи, Крестовыи-то братыица названыи... А ты-то едь еще Михайлушка Ко тыи ко корбы ко темныи, Ко тыи ко грязи ко черныи, Кори ты там языки все неверныи, Прибавляй земельки святорусскийи...»³.</p>

С фискальными мотивами можно связать и некоторые хорошо известные произведения народного творчества, например былинку «Илья Муромец и Соловей Разбойник». В ее основном сюжете можно увидеть не кульминацию противостояния христианства и язычества [Горюнков, с. 120], а борьбу за ресурсы – переход контроля над сбором прибавочного продукта непосредственных производителей от местной правящей верхушки к формирующейся государственной власти с центром в Киеве. В таком же смысле может быть решен и вопрос о том, с какой целью необходимо было очистить «дороги прямоезжие» (в былинах «Илья Муромец и Соловей Разбойник» и «Добрыня чудь покори») ²³.

¹⁸ Там же. Стб. 47.

¹⁹ Добрыня Никитич и Алеша Попович. С. 241.

²⁰ Михайло Потык // Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом. Стб. 811.

²¹ Потык Михайла Иванович // Древние Российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. С. 116.

²² Михайло Потык. Стб. 259–260.

²³ Добрыня Никитич и Алеша Попович. С. 289.

Мотивы даннических отношений присутствуют и в новгородских былинах. Для Новгородской земли дани-контрибуции (главным образом, пушниной) с иноплеменной периферии являлись одним из важнейших источников ее богатства, однако этот финансовый аспект не был зафиксирован в былинах. Сложно в них обнаружить и отсылку к наиболее архаичным пластам первоначального складывания даннических отношений. Вполне закономерно, что в понимании составителей новгородских «старин» «бессчетна золота казна» формировалась благодаря торговле²⁴. Интерес представляет указание в былинах о Василии Буслаеве (как и в ряде других «старин») на важнейший путь возникновения даннических обязательств через силовое давление («дани-выходы» выплачивает побежденное население):

«Говорит тут Василей Буслаевич:
“Гой еси вы, мужики новгородския,
Бьюсь с вами о велик заклад:
Напущаюсь я на весь Нов-город битися-дратиси
Со всею дружиною хоробраю –
Тако вы мене с дружиною побьете Новым-городом,
Буду вам платить дани-выходы по смерть свою,
На всякий год по три тысячи;
А буде же я вас побью и вы мне покоритися,
То вам платить мне такову же дань!”»²⁵.

Присутствует в цикле новгородских былин также указание на категории населения, охваченного данническими/налоговыми обязательствами, и на содержание выплат (но ни первые, ни второе, конечно, не нужно принимать буквально, вывод следует делать об общем характере выплат непосредственных производителей частью своей продукции):

«А и рады мы платить
На всякой год по три тысячи,
На всякой год будем тебе носить
С хлебников по хлебику,
С калачников по калачику,
С молодежи повенешное,
С девиц повалешное,
Со всех людей со ремесленных,
Опричь попов и дьяконов»²⁶.

В данном случае речь идет о внутреннем налоге, дань внешнего характера подразумевает выплату серебром и золотом. Так, в былине о Садко дань морскому царю состояла из бочки «чиста серебра» и бочки «красна золота»²⁷. Вполне вероятно, исключение духовенства из числа податного населения привнесено уже реалиями эпохи «ордынского ига». Но в то же время обращает на себя внимание удивительное совпадение числового выражения дани-выхода в новгородской былине (в год по три тысячи) с общим числом трат новгородских посадников («урокомъ дающю Киеву две тысяче гривне от года до года, а тысячу Новегороде гридемъ

²⁴ «Как поехал он (Садко. – С. Т.) по синю морю,
Воротил он в Золоту орду,
Продавал товары новгородские,
Получал барыши великие,
Насыпал бочки сороковки красна золота, чиста серебра...» (Садке // Новгородские быliny / Изд. подгот. Ю. И. Смирнов и В. Г. Смолицкий. М., 1978. С. 153).

²⁵ Про Василья Буслаева // Новгородские быliny. С. 8.

²⁶ Там же. С. 10.

²⁷ Садке. С. 153.

раздаваху»)²⁸. Именно это числовое выражение даннических выплат позволяет предположить, что в данном случае в народной памяти сохранились исторические реалии домонгольской эпохи.

Таким образом, былины, хотя их и нельзя рассматривать в качестве полноценных источников, позволяют прояснить некоторые аспекты налогово-даннических отношений домонгольской Руси. Составители былин проявляли интерес к сфере межличностных отношений (не только междукняжеских), истории повседневности, обыденным явлениям и сюжетам, которые не интересовали летописцев. В целом былины оказываются малоинформативными в вопросах функционирования налогово-даннических отношений, но могут представлять интерес в связи с отражением взглядов податной стороны и возможностью проникнуть в мир Средневековья во всем его многообразии. К числу важнейших сторон жизни древнерусского общества следует отнести фискальные обязательства населения, следы которых сохранились в былинах. В текстах былин, записанных в XVIII–XX вв., в большинстве случаев при отображении ситуации «собирания/выплаты даней (налогов)» использовались трафаретные формулы и устойчивые вербальные клише с ограниченным набором лексем-понятий («дань грошовая», «дани-выходы», «пожалование городами» и др.), что не дает оснований для обнаружения в них конкретных исторических событий и явлений. Но при помощи данных трафаретных формул описывались явления, хорошо известные древнерусскому населению.

Литература

- Горюнков С. В. Незнакомая Древняя Русь, или Как изучать язык былин. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2010. 232 с.
- Коробка Н. И. Сказания об урочищах Овручского уезда и былины о Вольге Святославиче // ИОРЯС. 1908. Кн. 1. С. 292–328.
- Лихачев Д. С. Внутренний мир художественного произведения // Вопросы литературы. 1968. № 8. С. 74–87.
- Майков Л. Н. О былинах Владимирова цикла. СПб., 1863. 139 с.
- Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности. М.; Л., 1924. Т. 3. Былины и исторические песни. 351 с.
- Протт В. Я. Русский героический эпос. Изд. 2-е, испр. М., 1958. 604 с.
- Путилов Б. Н. Эпический мир и эпический язык // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. IX Международный съезд славистов, Киев, сентябрь 1983 г. Доклады советской делегации. М., 1983. С. 170–184.
- Рыбаков Б. А. Исторический взгляд на русские былины // История СССР. 1961. № 5. С. 141–166.
- Селиванов Ф. М. Поэтика былин в историко-филологическом освещении: композиция, художественный мир, особенности языка. М., 2009. 312 с.
- Фроянов И. Я. Престижные пиры и дарения в Киевской Руси // Советская этнография. 1976. № 6. С. 39–46.
- Фроянов И. Я., Юдин Ю. И. Об исторических основах русского былевого эпоса // Русская литература. 1983. № 2. С. 90–103.
- Фроянов И. Я., Юдин Ю. И. Былинная история. СПб., 1997. 591 с.
- Халанский М. Г. К истории поэтических сказаний об Олеге Вещем. III. Былины о Вольге (Волье) Святославиче или Всеславиче // ЖМНП. 1903. Ч. CCCL. Ноябрь. С. 1–40.

References

- Froyanov, I. Ya. Prestizhnyye piry i dareniya v Kievskoi Rusi [Prestigious Feasts and Gifts in Kievan Rus]. In *Sovetskaya etnografiya*. 1976. No. 6. Pp. 39–46.
- Froyanov, I. Ya., Yudin, Yu. I. Ob istoricheskikh osnovakh russkogo bylevogo eposa [About the Historical Foundations of the Russian Epics]. In *Russkaya literatura*. 1983. No. 2. Pp. 90–103.
- Froyanov, I. Ya., Yudin, Yu. I. Bylinnaya istoriya [Epic History]. Saint Petersburg, 1997. 591 p.

²⁸ ПСРА. Т. 1. Стб. 130.

- Goryunkov, S. V. *Neznakomaya Drevnyaya Rus', ili Kak izuchat' yazyk bylin* [Unfamiliar Old Rus, or How to Learn the Language of Epics]. 2nd edition, revised and expanded. Saint Petersburg, 2010. 232 p.
- Khalanskii, M. G. *K istorii poeticheskikh skazanii ob Olege Veshchem. III. Byliny o Vol'ge (Vol'e) Svyatoslaviche ili Vseslaviche* [To the History of Poetic Tales about Oleg the Prophetic. III. Epics about the Volga (Volya) Svyatoslavich or Vseslavich]. In *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1903. Part CCCL. November. Pp. 1–40.
- Korobka, N. I. *Skazaniya ob urochishchakh Ovruchskogo uezda i byliny o Vol'ge Svyatoslaviche* [Legends about the Tracts of Ovruchsky Uyezd and Epics about Volga Svyatoslavich]. In *Izvestiya Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Akademii nauk*. 1908. Book 1. Pp 292–328.
- Likhachev, D. S. *Vnutrennii mir khudozhestvennogo proizvedeniya* [The Inner World of a Work of Art]. In *Voprosy literatury*. 1968. No. 8. Pp. 74–87.
- Maikov, L. N. *O bylinakh Vladimirova tsikla* [About the Epics of the Vladimir Cycle]. Saint Petersburg, 1863. 139 p.
- Miller, V. F. *Ocherki russkoi narodnoi slovesnosti* [Essays on Russian Folk Literature]. Moscow; Leningrad, 1924. Vol. 3. *Byliny i istoricheskie pesni* [Epics and Historical Songs]. 351 p.
- Propp, V. Ya. *Russkii geroicheskii epos* [Russian Heroic Epic]. 2nd edition, revised. Moscow, 1958. 604 p.
- Putilov, B. N. *Epicheskii mir i epicheskii yazyk* [Epic World and Epic Language]. In *Istoriya, kul'tura, etnografiya i fol'klor slavyanskikh narodov. IX Mezhdunarodnyi s'ezd slavistov, Kiev, sentyabr' 1983 g. Doklady sovetskoi delegatsii*. Moscow, 1983. Pp. 170–184.
- Rybakov, B. A. *Istoricheskiy vzglyad na russkie byliny* [Historical View on Russian Epics]. In *Istoriya SSSR*. 1961. No. 5. Pp. 141–166.
- Selivanov, F. M. *Poetika bylin v istoriko-filologicheskom osveshchenii: kompozitsiya, khudozhestvennyi mir, osobennosti yazyka* [Poetics of Epics in Historical and Philological Coverage: Composition, Poetic World, Language Features]. Moscow, 2009. 312 p.

Stsiapan N. Tsemushau

Belarusian State University, Minsk; Faculty of History, Department of Russian History; Republic of Belarus

REFLECTION OF THE PROBLEM OF TAX-TRIBUTARY RELATIONS
IN RUSSIAN BYLINS

The article considers the problem of reflection in Russian bylins of the circumstances of the formation and functioning of tax-tributary relations in Old Rus. Taking into account the peculiarities of this type of folk art, examples of tributary obligations of the Old Rus population available in bylins are analyzed. The value of bylins lies in the fact that their compilers showed interest in the sphere of interpersonal relations (not only between princes), the history of everyday life, everyday phenomena and plots that were of little interest to chroniclers.

Keywords: a bylina, tribute, contribution, taxes, princely power, land tenure